

Е. Ю. Чернышев

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
И СКАНДИНАВИИ
КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ
И МИРНОГО
СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
В РАМКАХ
ПОСЛЕВОЕННОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ¹**

Рассмотрено развитие идеи европейского единства в Центральной Европе и Скандинавии как инструмент формирования коллективной безопасности и межгосударственного сотрудничества. Культурно-исторические особенности Центральной Европы и Скандинавии предопределили актуальность сравнительного изучения их подхода к европейской идее. Представлены тенденции и факторы, оказавшие влияние на становление европейской идеи в рамках послевоенного планирования.

Цель исследования — сравнение и выявление схожих или аналогичных признаков и элементов теоретической базы движения за европейское единство в Центральной и Северной Европе.

Сделаны выводы по поводу соотношения модели «Европы регионов» и концепции общеевропейского единства. Идеи скандинавской и центральноевропейской интеграции зиждились на национальной и культурно-исторической близости соседних государств, которые предполагали войти в состав этих образований, что частично принципиально противоречило и противопоставлялось теоретической базе западноевропейской интеграции. С другой стороны, в рамках региональной интеграции считалось, что федерация (или союз соседних государств может) должна расцениваться как шаг на пути к более универсальной организации, что не будет означать изоляции Скандинавии и Центральной Европы от остального мира.

Ценность и практическое значение исследования — сравнительный подход к анализу явлений, которые ранее рассматривались в историографии отдельно. В этом заключается основной вклад в исследование истории идей и европейской дипломатии. Кроме того, тема работы непосредственно касается проблемы безопасности в регионе Балтийского моря, а также политических стереотипов в рамках этой проблематики.

В рамках исследования использовался историко-сравнительный и индуктивный тип историко-типологический метода.

Ключевые слова: интеграция, федерация, нейтралитет, Центральная Европа, Скандинавия.

¹ Статья подготовлена благодаря поддержке Программы Висби Шведского института (The Visby program of Swedish Institute)

Рассматривая вопрос о роли и месте европейской идеи в Центральной Европе и Скандинавии в указанный период в сравнительном плане, очевидно приходится учитывать принципиальные отличия этих географических регионов с точки зрения политической и культурно-исторической однородности. Центральная Европа, которая в данном случае является таковой в рамках проектов центральноевропейской интеграции, а значит, включает в себя такие восточноевропейские страны, как Польша, Чехословакия и Венгрия, имеет значительно меньший уровень политической однородности, который подразумевает стабильные межправительственные связи, близкие степень развития и качество институтов гражданского общества, а также форму устройства политической системы и традиции, чем страны Скандинавии. С другой стороны, даже если абстрагироваться от того огромного влияния, которое оказывало на развитие европейской идеи место этих стран в системе взаимоотношений между СССР и западными союзниками, то можно выделить ряд общих моментов, которые объединяют их и отличают от стран Западной Европы одновременно. Эта качественная тенденция ярко проявляется в дискуссиях и проектах, посвященных послевоенному единству Европы.

В течение межвоенного периода (1918—1939 гг.) Центральная Европа занимала важное место во французской внешней политике, но в 1939 г. по очевидным причинам роль «ментора» перешла к Великобритании. В связи с этим необходимо выделить две основные области противоречий, которые давали почву для активной общественно-политической дискуссии: между США и Великобританией (если не брать в расчет очевидные расхождения в вопросе послевоенного устройства Европы с советским руководством) и среди европейских государств, а точнее, в кругах эмигрантских правительств и движения Сопротивления, выступавших за идею европейского единства в той или иной его форме. Немало подходов и идей, появившихся в это время, позднее легло в основу Европейского союза и европейской интеграции в целом.

Премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне Владислав Сикорский был, пожалуй, наиболее последовательным сторонником концепции федерации. Принципиально его идея в идеале предполагала достаточную степень доминирования Польши в центральноевропейской федерации, что позволило бы Варшаве стать равноправным партнером в отношениях с Лондоном и Парижем, поэтому немецкая агрессия против СССР воспринималась им как фактор, способствующий этим планам.

В действительности позиция В. Сикорского укладывалась в рамки концепции «Новой Европы», которую озвучил британский премьер-министр У. Черчилль советскому послу в Лондоне И. Майскому в разговоре 5 декабря 1941 г. Тогда У. Черчилль предположил, что в состав новой конфедерации могли бы войти Польша, Чехословакия, Югославия и Греция. Причем этим кругом участников можно было бы не ограничиваться и впоследствии расширить ее, создав таким образом пояс государств с общей оборонной, внешней и экономической политикой.

В результате федерация могла бы объединить около 130 млн человек и привела бы к интеграции всей Европы [19].

Сикорский предпринимал немало усилий по созданию — помимо польско-чехословацкой конфедерации, идея которой занимала огромное место в его внешнеполитической деятельности — блока из восьми европейских государств, чьи правительства в эмиграции базировались в Лондоне, а именно Польши, Франции, Чехословакии, Нидерландов, Норвегии, Дании, Бельгии и Югославии. Почти одновременно в июне 1942 г. бельгийское, норвежское и датское правительства в Лондоне представили совместный проект международной системы безопасности, базирующейся на региональных пактах в Северной Атлантике, Южной Атлантике и регионе Тихого океана, которые впоследствии могли бы стать основой всемирной организации. Стороны, которые подписали бы пакт, могли гарантировать себе коллективные меры безопасности против агрессии в указанных регионах.

Польское правительство имело надежды на заокеанского союзника — США. Но там, как и в Великобритании, росло беспокойство по поводу «советского» фактора. В сообщениях 20 февраля 1942 г. в адрес госсекретаря США К. Хэлла и его заместителя С. Уэллса американский посол в Великобритании Д. Биддл обращал внимание на необходимость пристально следить за шагами польского правительства, которое «в глазах американского общественного мнения наносит ущерб России» [17, с. 58]. В результате 6 марта Белый дом уполномочил Д. Биддла проинформировать В. Сикорского, что оно «не заинтересовано в дальнейших дискуссиях по поводу его предложения о послевоенном содружестве и концепции объединения центрально- и восточноевропейских государств» [17, с. 59].

Президент Ф. Рузвельт на следующий день подтвердил свое несогласие с декларацией В. Сикорского по поводу послевоенного сотрудничества малых государств. «Я думаю, — писал он в своей инструкции государственному департаменту, — определенно необходимо вмешаться в планы Сикорского. Сейчас не время говорить о послевоенном положении малых государств, так как это означало бы серьезные проблемы с Россией» [9, р. 113].

Шестнадцатого марта 1943 г. глава министерства иностранных дел Великобритании Э. Иден и английский посол в США лорд Э. Галифакс встретились с заместителем госсекретаря С. Уэллсом. Английское правительство было склонно поддержать идею двух федераций в Европе: Балканской и Центрально-Европейской. С. Уэллс разделял британскую точку зрения, предвидя возможность помимо Балканской федерации создать федерацию, включающую Австрию, Чехословакию и Польшу [17]. При этом было ясно, что У. Черчилль все больше и больше изменяет свое мнение по поводу федеративной системы послевоенной Европы, стараясь дистанцироваться от мысли о Центрально-Европейской федерации как таковой.

Возможно, данное обстоятельство объясняет то, почему 21 марта 1943 г. У. Черчилль вернулся к идее Европейского совета. Здесь стоит

отметить (немного забегая вперед), что история создания Европейского совета, который появился в 1949 г., очевидно, связана с идеей британского премьер-министра. В рамках Совета должен был бы функционировать Верховный трибунал для разрешения споров между членами европейского объединения. По его мнению, малые государства, включенные в конфедерацию, стали бы равноправными партнерами Великих держав. Черчилль предполагал создание трех объединений: Скандинавского, Дунайского и Балканского [15]. Очевидно, что он намеренно избегал упоминания дефиниции «центральноевропейского» объединения с участием Польши, чтобы не раздражать советское правительство.

С началом 1943 г. стало очевидно, что любые дискуссии, касающиеся изменений в послевоенной европейской организации, невозможны без участия великих держав и что в любом случае вопрос поддержания мира не может быть решен исключительно на европейском уровне.

В мае 1943 г. У. Черчилль во время переговоров с Ф. Рузвельтом заявил, что после войны Европа будет состоять из двенадцати государств или конфедераций, которые сформируют европейские региональные советы, где участие США было бы крайне востребованным. Кроме того, он выразил надежду, что в Юго-Восточной Европе будут созданы несколько объединений — Дунайская федерация с центром в Вене, которая заполнит вакуум, образовавшийся в результате исчезновения Австро-Венгрии, и Балканская федерация. Что касается Польши и Чехословакии, то им стоит поддерживать дружеские отношения с СССР [2].

В чем-то бельгийский министр иностранных дел Поль Анри Спаак был прав, когда говорил, что Сталин заслужил право называться отцом европейского единства [10]. Его непримиримая позиция в отношении европейской интеграции во всех ее возможных формах заставили европейские страны быть ближе друг к другу.

Последние иллюзии по поводу позиции СССР в вопросе федерации исчезли на конференции министров иностранных в Москве 19—30 октября 1943 г., когда министр иностранных дел Великобритании Э. Иден — в соответствии с инструкциями — пытался включить вопрос о Центрально-Европейской федерации в повестку встречи. Он выдвинул предложение принять представителями трех держав декларацию о совместной ответственности за послевоенную Европу, основанную на четырех принципах: свобода выбора правительства для всех, право государств присоединяться к международным ассоциациям или конфедерациям, помощь великих держав государствам, заинтересованным в присоединении к таким конфедерациям, неприятие создания «сфер влияния» [1, р. 161—162]. В. Молотов обвинил его в попытке возобновления политики «санитарного кордона» между СССР и остальной Европой [1, с. 180]. Так как К. Хэлл не поддержал Э. Идена, то он оказался изолированным и не имел другого выхода, кроме как снять вопрос с повестки дня.

В результате советская делегация передала своим американским и английским коллегам заявление «Будущее Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос о федерации». В нем она постаралась предельно ясно резюмировать свою позицию: «Образование федерации решениями эмигрантских правительств, которые в силу своего особого положения не могут быть достаточно крепко связаны со своими народами, может быть воспринято как навязывание народам решений, не соответствующих их желаниям. Кроме того, некоторые проекты федераций напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно» [1, р. 329].

Одними из немногих, кто придерживался более сдержанной позиции в этом вопросе, были советский посол в Великобритании И. Майский и заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов; в январе 1944 г. они подчеркивали, что «не в интересах СССР, по меньшей мере в первое время после войны, способствовать созданию различного рода федераций — Балканской, Дунайской, Центрально-Европейской или Скандинавской». Консенсус заключался в том, что СССР должен остаться предельно неуязвимой державой в Европе» [20, р. 85].

Обращаясь к Скандинавии, стоит сразу заметить, что вопрос создания системы коллективной безопасности, советский фактор и опасения малых государств, что по отдельности они не смогут противостоять угрозам, исходящим от крупных агрессоров, играли такую же важную роль, как и в рамках концепции Центрально-Европейской федерации.

Целесообразно остановиться на шведском подходе, так как именно политические и общественные круги Швеции взяли на себя в межвоенный период лидирующую роль среди Скандинавских стран в деятельности по сближению сотрудничества на межправительственном уровне. В дополнение к этому история шведской идеи создания межгосударственных объединений европейского и даже мирового уровня берет свое начало еще в середине XIX в., хотя такие предложения по формированию международных федераций были почти всегда географически ограничены исключительно Скандинавскими странами и на них влияли идеи из континентальной Европы, прежде всего из Франции. Шведский подход можно характеризовать повышенным интересом к вопросам нейтралитета Скандинавских стран и международного или межправительственного арбитража.

Политика скандинавского нейтралитета была относительно успешной в годы как Первой, так и Второй мировой войны, и это становилось серьезным аргументом для выступавших за то, чтобы Швеция и впредь оставалась нейтральным государством и избегала ограничений и обязательств, свойственных международным альянсам и объединениям. С другой стороны, нельзя было не обращать внимания на тот факт, что соседи, которые также придерживались политики нейтралитета, — Норвегия и Дания — тем или иным путем, в той или иной степени были вовлечены в войну. Становилось очевидным: страны мира до такой

степени взаимосвязаны, а значит взаимозависимы, что нейтралитет не мог быть более единственно допустимой моделью для Швеции.

Стоит отметить, что идея Европейской федерации обсуждалась в общественных кругах Швеции в межвоенный период. В связи с этим необходимо вспомнить «Пан-Европу» Р. Куденхове-Каллерги, изданную в Швеции в 1930 г. через несколько месяцев после знаменитой инициативы французского министра иностранных дел Аристиде Бриана по созданию Европейской федерации в рамках Лиги Наций [6]. Уже после начала войны на шведском языке вышла книга бывшего чехословацкого президента Э. Бенеша «Демократия сегодня и завтра», в которой он выражал надежды на то, что европейский кризис приведет к созданию более демократических структур в рамках европейских государств и более совершенной внутриевропейской организации. И такая реорганизация должна была бы начаться с создания региональных федераций, включая и скандинавскую [5].

Швеция присоединилась к Лиге Наций после Первой мировой войны и начала проводить политику качественного повышения сотрудничества между Северными странами. События Второй мировой войны заставили ее внешнюю политику стать более гибкой, приспособляться к динамично изменявшейся расстановке сил, а не быть политикой устоявшихся принципов. В то время как польские и чешские коллеги активно эксплуатировали тему послевоенной интеграции, в Швеции только к концу войны, когда расклад противоборствующих сил стал более очевидным, в правительственных кругах появились первые серьезные соображения по поводу послевоенной политики.

Но повышенная осмотрительность и прагматизм официальных кругов не помешали общественным дебатам о послевоенной международной организации, которые шли в русле федералистской модели. Тем не менее встретить свидетельства прямой поддержки Европейской федерации можно довольно редко. Идея активно обсуждалась среди шведских авторов, но она была не единственной и тем более не рассматривалась как предпочтительный вариант решения проблемы послевоенной безопасности. Федерация Северных стран или, как это ни странно, федерация всемирного характера, представлялась более реальным сценарием. «Пан-Европа» Р. Куденхове-Каллерги активно обсуждалась [6]. Но, кроме Германа Столпе, не было других авторов, чьи работы посвящались непосредственно и исключительно этой проблеме [18]. Последовательная сдержанность по отношению к «европейской идее» характерна для Скандинавии в целом, но в Швеции (в дополнение к прочему) можно обратить внимание на географическую специфику «среднего» государства, что нашло свое отражение и в культурно-исторических особенностях. В случае необходимости защиты своих общественно-политических традиций Швеция, безусловно, предпочла бы союз исключительно со своими скандинавскими соседями, которые, в отличие от нее, все-таки были более ориентированными на континентальную Европу (как Дания) или на трансатлантические отношения (как Норвегия). В любом случае Панъевропейское движение представ-

ляло собой «общественное поле, в рамках которого обсуждались понятие Европы и видение объединенной Европы. Это общественное поле не являлось однородным, а скорее наоборот, многослойным и противоречивым» [3, p. 25].

Карл Экблом, один из лидеров Шведской ассоциации за мир и арбитраж, был одним из первых в Швеции, кто начал активно обсуждать возможность международной федерации после окончания войны. Но он предостерегал о том, что «если мы предлагаем новые идеи для всемирной или европейской организации, то мы должны иметь в виду, что старые еще не разрушены окончательно и не потеряли своей актуальности полностью» [8, p. 4].

Другой активный сторонник международной федерации, Хальвор Кеннет, выступал за северную федерацию как часть всемирной: «Желательно, чтобы государства-члены федерации не слишком отличались друг от друга по размеру, экономическим или культурным показателям... Таким образом, представляется желательным, чтобы малые государства объединялись между собой в субфедерации, которые сформируют объединения в рамках более крупных образований» [12, с. 43—44]. Не стоит сомневаться, что Скандинавия очень подходит на роль такой субфедерации. По этому поводу Кеннет пишет: «Объединенные штаты Севера — "Норден" — стали бы членом будущей всемирной организации и органичным элементом в широком контексте поддержания мира... Из этого следует, что только по-настоящему наднациональный союз может дать группе малых государств такую степень безопасности, которую они не смогли бы обеспечить себе по отдельности» [12, p. 45].

Среди наиболее известных сторонников международной федерации в Швеции можно вспомнить философа и просветителя Альфа Альберга. В своих работах он упоминает Европейскую федерацию конкретно как часть нового миропорядка [4].

Широко известная шведская писательница Альва Мирдаль активно писала о проблемах послевоенного планирования. Значительная часть ее работ посвящена восстановлению экономики и социальным преобразованиям после войны: «Баланс сил между малыми и крупными государствами — это вопрос, который недостаточно ясно обозначен в любом официальном проекте. Наиболее показательное в этом плане, без сомнения, сообщение У. Черчилля, сделанное в апреле 1943 года, в котором он высказался о создании "Совета Европы", членами которого могут быть федерации малых государств. Мы в Швеции должны присмотреться к тому, не слишком ли это стеснительные для нас рамки. Скандинавия, так же как и Великобритания, не привыкла рассматривать себя просто как часть Европы. Наше самое тесное сотрудничество должно происходить в первую очередь с нашими северными соседями... Сомнительно считать, что было бы в интересах Швеции или Скандинавии в целом присоединиться к чисто европейской организации. Возможно, Северный союз — лучшая альтернатива» [14, p. 137—138].

Подполковник Торстен Хольм активно писал на темы международной безопасности и военной истории: «Это очевидно, что политика изоляционизма Северных стран несовместима с идеей международной мирной организации» [11, р. 76]. Следует напомнить, что идея оборонительного альянса между Финляндией, Норвегией и Швецией высказывалась в марте 1942 г. После оккупации Дании и Норвегии дебаты о будущем Северном оборонительном союзе были возобновлены. Помимо этого, речь шла и о совместной внешней политике. Примером такого подхода может служить памфлет "Nordens forenta stater", опубликованный весной 1942 г. Идеи, изложенные в нем, предусматривали, кроме прочего, полную координацию механизмов безопасности в Северной Европе. Авторы оптимистично считали, что такие меры, как объединение военно-воздушных сил, сделает возможным отражение нападения с любой стороны. Они также высказывали мысль о том, что Северные страны смогут сохранить их традиции права и справедливости, если будут сотрудничать и в политической сфере. А для этого требовался Северный союз с единым правительством, внешней политикой, оборонительной системой, верховным судом и парламентом [16].

В шведских общественных кругах ведущей тенденцией, которая находила наибольшее понимание, можно считать обеспечение будущей послевоенной безопасности в рамках Северного измерения или исключительно шведского. Существовал стойкий скептицизм в отношении возможности создания всемирной организации, поэтому высказывались мысли о том, что Северная Европа должна создать сильную систему безопасности. С другой стороны, в рамках шведского движения за мир считалось, что Северная ассоциация должна расцениваться как шаг на пути к более универсальной организации, что не будет означать изоляции Скандинавии от остального мира.

Из уст чехословацких и польских политиков не раз звучали мысли о целесообразности создания северного альянса. Э. Бенеш, выступая в Чикаго 22 мая 1943 г., прогнозировал, что многие малые народы создадут крупные объединения в будущей Европе [7]. А польский премьер-министр В. Сикорский в интервью в Каире 2 июля 1943 г. настаивал на том, что мир лучше всего защищать федерацией всей Европы, с Польшей и Чехословакией в качестве центрального блока, а также при участии Северного союза.

Становится очевидным, что дипломатическое противостояние между западными союзниками и СССР по проблеме послевоенного планирования Европы и последующую «холодную войну» можно назвать «повивальным бабками» рождения современного Европейского сообщества. Проекты центральноевропейской и скандинавской интеграции как варианты, не вполне укладывающиеся в модель «общей Европы» в ее классической западноевропейской форме, не стали исключением в этом смысле, а для стран «восточного блока» стремление в европейское сообщество оставалось вождельной целью на протяжении всей второй половины XX в.

Советское руководство сталинской эпохи рассматривало европейскую интеграцию прежде всего как потенциальную угрозу интересам безопасности СССР, и тому было немало реальных примеров и в XIX, и в XX в. Однако в Москве не уделяли должного внимания экономическому аспекту и потому представляли этот процесс в Европе как стратегический этап на пути к последующему противостоянию с Советским Союзом.

Обращаясь к другому ключевому моменту, стоит отметить, что склонность сторонников интеграции в Центральной Европе и Скандинавии к модели «Европы регионов» не вполне однозначно. Европейское сообщество невозможно построить на базе абстрактной схематичной федерализации искусственных регионов или за счет демонтажа структур национального уровня [13]. А именно это обстоятельство сторонники интеграции в Восточной и Северной Европе часто игнорировали.

Остановившись на Скандинавии, можно заметить, что в послевоенное время отношения Северных стран между собой еще более, чем ранее, стали вопросом политического престижа, а не только необходимой безопасности. В первые послевоенные годы Скандинавские страны питали надежду на постепенное преодоление разрыва между Западом и Востоком. Экономическим выражением этих настроений было, в частности, шведское кредитное соглашение с СССР 1945—1946 гг. Предоставление кредита имело экономические и политические мотивы, а важность поддержания хороших отношений с Советским Союзом недвусмысленно подчеркивалась.

Шведское стремление к северному сотрудничеству в послевоенное время было частично продиктовано необходимостью использовать его для обеспечения коллективной безопасности и создания для политики нейтралитета более широкой базы, чем та, которую давали исключительно национальные рамки. Именно поэтому, а также по причине неучастия в войне и стабильного экономического положения на начальном этапе «холодной войны» Швеция взяла на себя инициативу по организации сотрудничества в сфере безопасности между Скандинавскими странами, которое способствовало бы разрядке отношений с СССР. Биполярная структура послевоенного мира поставила проекты с участием Северных стран на важное место в политической повестке дня.

Список источников и литературы

1. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Т. 1.
2. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Т. 3—4.
3. *A last stronghold against fascism and national socialism? The Pan-European debate over the creation of a European party in 1932 // Journal of European integration history.* 2002. Vol. 8, №2. P. 25.

4. *Ahlberg A.* Uppfostran i efterkrigstidens värld // Riktlinjer för en världsfederation. Stockholm, 1945.
5. *Beneš E.* Demokration: Dess nutid och framtid. Stockholm, 1940.
6. *Coudenhove-Kalergi R. N.* Pan-Europa. Stockholm, 1930.
7. *Edvard Beneš* in his own words. N.Y., 1944.
8. *Eklom K.* Våra studier: Union nu // *Freden*. 1939. Vol. 12, №22. P. 4.
9. *Foreign relations of the United States* 1942. Washington, 1958. Vol. 3.
10. *Heather D.* The idea of European Union. L., 1992.
11. *Holm T.* Från krig till fred. Uppsala, 1943.
12. *Khennet H.* Nordens framtid// *Mellanfolkligt Samarbete*. 1941. Vol. 11, №2. P. 43—44.
13. *Lot V.* Identity and statehood in the process of European integration// *Journal of European integration history*. 2000. Vol. 6, №1. P. 25.
14. *Myrdal A.* Efterkrigsplanering // *Mellanfolkligt samarbete*. Stockholm. 1943. Vol. 13, №7. P. 137—138.
15. *New York Times*. 1943. 22 March. P. 4.
16. *Nordens förenta stater*. Stockholm, 1942.
17. *Pastusiak L.* Roosevelt a sprawa polska. Warszawa, 1980.
18. *Stolpe H.* Debatten om en världsfederation // *Mellenfolkligt Samarbete*. 1943. Vol. 15.
19. *Sadowski J.* Polscy federalisci I konfederalisci, czyli o zapomnianym rozdziale ze wspolnej europejskiej historii // *ResPublica Nowa*. 2003. №5 (176).
20. *Zubok V.* The Soviet Union and European integration from Stalin to Gorbachev // *Journal of European integration history*. 1996. Vol. 2, №1. P. 85.

Об авторе

Чернышев Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры политологии и социологии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: historic@mail.ru

E. Yu. Chernyshev

THE EUROPEAN IDEA IN CENTRAL EUROPE AND SCANDINAVIA AS A PART OF THE SECURITY AND PEACEFUL CO-EXISTENCE POLICY IN THE FRAMEWORK OF POSTWAR PLANNING

This article is dedicated to the development of European unity in Central Europe and Scandinavia as a mechanism of collective security and intergovernmental cooperation development. The cultural and historical features of Central Europe and Scandinavia emphasise the need for a comparative study into the European idea. This article considers the tendencies and factors, which affected the development of European idea in the framework of post-war planning.

This research sets out to compare and identify similar or analogous features and elements of the theoretical bases of movements for European unity in Central and Northern Europe.

The author comes to conclusions about the correlation between the «Europe of regions» model and the European unity concept. The ideas of Scandinavian and Central European integration rested on national and cultural and historical connections of the neighbouring countries expected to constitute such formations, which contradicted and was opposed to the theoretical framework of Western European integration. On the other hand, regional integration implied that a federation or union of neighbouring states could be considered a step towards a more universal organisation, which would not mean the isolation of Scandinavia and Central Europe from the rest of the world.

The theoretical and practical significance of this work consists in the comparative approach to the analysis of phenomena, which have been considered individually in the framework of historiography. It is the major contribution of the article to research on history of ideas and European diplomacy. Moreover, the subject of research is immediately connected to the problem of security in the Baltic region and the Soviet factor, as well as political stereotypes produced in this field.

The author employed the historical comparative and inductive types of the historical typological method.

Key words: integration, federation, neutrality, Central Europe, Scandinavia.

References

1. Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945, 1972. Vol. 1, pp. 161—162.
2. Churchill, W., 1991. Vtoraja mirovaja vojna. Vol. 3—4, pp. 648—649.
3. A last stronghold against fascism and national socialism? The Pan-European debate over the creation of a European party in 1932, 2002. *Journal of European integration history*, Vol. 8, № 2, p. 25.
4. Ahlbergm, A., 1945. Uppfostran i efterkrigstidens värld. Riktlinjer för en världsfederation. Stockholm.
5. Beneš, E., 1940. *Demokratien: Dess nutid och framtid*. Stockholm, p. 207.
6. Coudenhove-Kalergi, R. N., 1930, 1932. *Paneuropa*. A. B. C. Stockholm.
7. Edvard Beneš in his own words, 1944. New York.
8. Ekblom, K., 1939. *Freden*. Vol. 12. № 22, p. 4.
9. *Foreign relations of the United States 1942, 1958*. Vol. 3. Washington, p. 113.
10. Heather, D., 1992. *The idea of European Union*. L., p. 150.
11. Holm, T., 1943. *Från krig till fred*. Uppsala, p. 76.
12. Khennet, H., 1941. *Mellanfolkligt Samarbete*. Vol. 11, № 2, p. 43—44.
13. Lot, V., 2000. *Journal of European integration history*. Vol. 6, № 1, p. 25.
14. Myrdal, A., 1943. *Mellanfolkligt samarbete*. Vol. 13, № 7, p. 137—138.
15. *New York Times*, 1943. 22 March, p. 4.
16. *Nordens förenta stater*, 1942. Stockholm.
17. Pastusiak, L., 1980. *Roosevelt a sprawa polska*. Warszawa, p. 58.
18. Stolpe, H., 1943. *Mellenfolkligt Samarbete*. Vol. 15.
19. Sadowski, J., 2003. *ResPublica Nowa*. № 5 (176).
20. Zubok, V., 1996. *Journal of European integration history*. Vol. 2, № 1, p. 85.

About author

Dr Yevgeny Yu. Chernyshev, Lecturer, Department of Political Science and Sociology, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: historic@mail.ru